

КОНСТАНТИН СКВОРЦОВ

НИ ВРЕМЕНИ, НИ СМЕРТИ НЕТ

* * *

Золотой зверобой
и горячее поле душицы,
И обвивший смородину
сказочный алый цветок.
И родник под скалой —
тот, который доньше мне снится,
И сиреневый полог тумана
вдали от дорог.

Я мальчишкою знал:
ты должна здесь вот-вот появиться,
Вся из солнца и трав,
из ручьёв, от рассвета хмельных.
Побелели виски.
Замолчали в отчаянье птицы.
Я оставил тебя,
как венок из цветов полевых.

Я готов был припасть
к первой встречной зелёной травинке,

СКВОРЦОВ Константин Васильевич родился в 1939 году в Туле. Отрочество и молодость поэта прошли на Урале. Первые книги стихотворений “На четырёх ветрах” (1966 г.), “Стихи. Поэмы” (1970 г.), “Ущелье крылатых коней” (1975 г.) вышли в Челябинске. В разные годы на сценах театров России были поставлены 20 его стихотворных пьес. Живёт в Москве.

Потому что в тумане
 всё время мерещилось мне:
 Может быть, это ты
 в серебристой, как сон, паутинке,
 Той, что ветер принёс,
 словно птица на сизом крыле.

И уехал я в город,
 оставив и горы, и поле...
 И в ущелье домов,
 где не встретишь живого огня,
 Ты по улице шла
 в золотых светляках зверобоя.
 Я узнал тебя сразу.
 Но как ты узнала меня?

* * *

В эти дни в незнакомой Отчизне,
 Где сместились закат и рассвет,
 Мы прожили с тобой столько жизнью,
 Что хватило б на тысячу лет.

Ну, подумаешь: лошади в поле
 Или птица, летящая ввысь.
 Всё, что было знакомым до боли,
 Обрело нераспознанный смысл.

Так на свет появляется гений,
 Вещим словом становится бред.
 Ради этих счастливых мгновений
 Мы с тобой и явились на свет!

Кто-то скажет, что буря в стакане
 Наши чувства, но ты их прости.
 Мы с тобою примерными станем.
 Боже, только б с ума не сойти!

* * *

Осенний лес и неба синева.
 Огонь осин и вспышки дикой вишни.
 С деревьев тихо падает листва,
 В глухом лесу она казалась лишней.

И солнца золотые кружева
 Разлиты по земле, как Божья милость...
 И где-то хохотнула вдруг сова
 Средь бела дня... Что это с ней случилось?

Зачем она, природе вопреки,
 Вперяет глаз прозорливый и меткий
 Туда, где расписные лоскутки
 С девичьим страхом покидают ветки.

И между нами, как меж двух страниц,
 Лишь этот удивительный гербарий.
 И пахло от дерев, лежащих ниц,
 Сухой травой и свежими грибами.

Любимая! Вот жизни краткий миг...
И, к нам не проявляя интереса,
Прошёл с корзиной полною грибник —
Ему мы показались частью леса!

С корзиной полною — вот счастья знак.
Какого мы ещё искали знака?
И никогда я не смеялся так...
И никогда, друг мой, я так не плакал!

МИРОНЕЖЬЕ

Сегодня очень рано рассвело,
И всплыло в море памяти безбрежной
Затерянное русское село —
Овеянное сказкой Миронежье.

Глядится в лес с кривою крышей дом,
Застыли совы, словно изваянья,
Но сердце наполняется теплом
От одного старинного названья.

Что нас с тобою так туда влечёт,
Где пахнет только елью и Онегой?
Да здесь река молочная течёт,
И белые грибы растут под снегом!

Здесь мы смолили старенький баркас,
Морошки съели не одно лукошко.
С тобою мы бездомны, но у нас
Есть в Миронежье добрая сторожка.

И если я скажу тебе не то
Иль ты меня окатишь фразой снежной,
Мы убегаем в наше Миронежье
И ставим самовар на круглый стол.

* * *

Сосна горела, как свеча,
Закатным пламенем играя.
Я пил из горного ручья,
Бегущего к воротам Рая.

И я задумался: “Неужто
Предела Вышнего достиг?”
Но, словно ходики, кукушка
Не умолкала ни на миг.

Гора, готовая зардеться,
Укрылась тенью до зари.
Кукушке в лад стучало сердце,
Не нарушая общий ритм.

За Аваляк свалилось солнце
В метель черёмух и снегов.
Чья песня раньше оборвётся —
Кукушки ль, сердца ль моего?

В болоте чахнет мелколесье,
Но ели набирают цвет.
И в этом вечном равновесье
Ни времени, ни смерти нет!

* * *

Теперь не надо запрягать коней.
До петухов поднявшись спозаранку,
Я мчался к речке юности моей,
Держа в руках не вожжи, а баранку.

Была дорога мягкою, как холст, —
Моих колёсных прадедов наследство...
Я так хотел увидеть старый мост
И окунуться в речку, словно в детство.

Острожный столб, что вбили земляки,
Мне сообщал табличкою неброской:
“Река Весна”. Но не было реки.
Цвела осока жёлтою полоской.

Вдоль дома, что дымился в стороне,
Прошла старушка, тихо, как преданье.
Перекрестясь, она сказала мне:
— Деревни нет, осталось лишь названиее.

Я прочитал на сломанном кресте,
Блуждая на заброшенном погосте,
Что на земле мы временные гости,
Как изморозь на фиговом листе.

И не узнав родимой стороны,
Я атлас взял, сработанный навечно.
Название есть, но нет моей страны,
Где дом стоял и щебетала речка.

Дорогой друг! Поздравляем тебя с большим юбилеем! Желаем, чтобы твои стихи по-прежнему были милы сердцу наших читателей, чтобы вдохновенье всегда осеняло тебя, чтобы удача сопутствовала тебе на охоте и на рыбалке и, конечно, в поэзии.

Твои друзья из журнала “Наш современник”